

Орлов Игорь Борисович
(д.и.н., проф. НИУ-ВШЭ, Москва)

Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения¹

Специфика изучения периода новой экономической политики во многом определяется отношением исследователей к ее сущности. Пример тому – затянувшийся спор между «объективистами» и «субъективистами» о причинах свертывания нэпа и, следовательно, перспективах его развития. Именно в связи с дискуссией о путях трансформации нэпа сторонники двух научных позиций получили наименования «пессимистов» и «оптимистов» соответственно. Идя с переменным успехом, спор все-таки на рубеже 1990-2000-х гг. завершился явной победой «объективистов». Именно усилением критического направления в изучении нэпа можно объяснить известный спад интереса к новой экономической политике со второй половины 1990-х годов.

Но, как говорится, худа без добра не бывает. Огромный массив перестроечных публикаций о нэпе (во многом конъюнктурных) далеко не всегда представлял собой научную продукцию. Властный интерес к нэповским реформам во второй половине 1980-х и отчасти в начале 1990-х гг. вовлекал в нэповедение широкий и пестрый круг авторов, среди которых доминировали экономисты и публицисты. Под влиянием «прорабов перестройки» некоторые исследователи нэпа пытались обнаружить в нем образцы для горбачевских реформ. Тогда как историки в условиях «полуоткрытости» архивов и возникшего методологического вакуума, быстро сменившегося «плюрализмом» подходов, не могли в «пожарном» порядке предложить нового, научно обоснованного видения проблемы.

Однако постепенно, на фоне сокращения количества публикаций по нэповской проблематике, начали пробивать себе дорогу новые тенденции. Экспонентный рост вводимых в широкий научный оборот архивных

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.). М.: ИРИ РАН, 2013. С. 387-395.*

документов и апробация новых методологических подходов (в том числе, историко-антропологического) стимулировали процесс формирования новой научной проблематики, в большей степени связанной с переориентацией исследований с «положительных» сторон нэпа на «отрицательные». Впрочем, между двумя крайними точками зрения на проблему свертывания нэпа (насильственного свертывания последнего и его неизбежной командно-административной трансформации) образовался широкий зазор, открывающий новые исследовательские перспективы. В том числе, связанные с позиционированием периода двадцатых годов прошлого столетия как переходного этапа на пути формирования сталинского режима.

Сегодня редкая публикация (особенно это относится к диссертационным исследованиям) обходится без выводов о недостатке конкретно-исторических исследований, нерешенности многих проблем истории 1920-х гг. и о первых шагах на пути складывания новейшей историографии нэпа. Однако автор не столь категоричен в своих оценках и полагает, что определенную картину развития историографии нэпа на протяжении 1990-2000-х гг. можно составить, прежде всего, на основании анализа историографических работ и обзоров. Хотя обзоры научной литературы (прежде всего, в диссертациях) чаще всего ограничены довольно узкой темой исследования. Кроме того, 2000-е годы демонстрируют общее снижение интереса к собственно историографическим работам по рассматриваемой проблематике.² Исходя из этого, реконструкция основных

² Увидевшие свет в 2000-х гг. историографические исследования, по большей части, посвящены отдельным аспектам новой экономической политики. См., например: Васько А.А. НЭП и проблема гражданского общества в России: современная историография // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2009. № 3. С. 134-138; Кармазин А.С. Историография социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса в 1921-1941 гг.: На материалах Уральского региона: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Тюмень, 2006; Лейкина С.А. Развитие кустарно-промысловой кооперации в Иркутской губернии в 1920-е годы (Историографический обзор) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. Иркутск, 2000. С. 124-130; Хазиева М.А. Кооперация Башкортостана в 1917-1928 гг.: историография проблемы // Культура народов Башкортостана: история и современность: Матер. регион. науч. конф. Уфа, 2003. С. 57-60; Цыпина Е.А. Промышленное и аграрное развитие Урала в годы нэпа: Историография проблемы: Автореф. дис. на соиск. учен.

направлений исследования нэпа на современном этапе возможна только путем соединения анализа историографических и собственно исторических работ.

В большинстве своем исследователи периода новой экономической политики сходятся во мнении относительно того, что центральным звеном современной историографии стало изучение противоречий и перспектив нэпа. При этом основной вопрос предыдущего историографического этапа об альтернативности нэпа в рамках социалистической модели потерял свою актуальность.

В связи с этим внимание исследователей переключилось с изучения сферы политики (в том числе в ее институциональном разрезе) в область социальной истории. Прежде всего, активизировалось изучение процесса формирования нэповского социума (в том числе, механизмов самоорганизации), взаимоотношения власти и населения. Смещение акцентов привело к отказу от доминирующих в историографии оценок нэповского общества как пассивного объекта властных воздействий.

По вполне понятным причинам, повышенный интерес историков к аграрной проблематике привел к отказу от некоторой идеализации взаимоотношений города и деревни. Другими словами, исследовательский ракурс развернулся на 180 градусов: от изучения направлений и форм «смычки» к анализу «размычки».

Историографический анализ показывает, что при всем различии подходов к изучению новой экономической политики, подавляющее большинство исследователей главное отличие современного этапа историографии нэпа видят в отказе от его чрезмерно оптимистических

степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Чернышова А.В. Проблемы управления советской доколхозной деревней в современной историографии // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России. Сб. научных трудов. Н. Новгород, 2004. С. 259-270. Одними из немногих работ последнего десятилетия, освещающих общие тенденции в изучении нэпа стали: Орлов И.Б. О критериях эффективности нэпа // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2-х тт. Т. 2. М., 2002. С. 101-116; Сенявский А.С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: политические, экономические, социокультурные аспекты. М, 2006. С. 5-25.

оценок. В 1990-е гг. фокус зрения был смещен в сторону выявления и анализа противоречий и ограниченного характера нэповской «модели». Возобладало мнение о внесистемном характере нэпа, представлявшим собой набор средств и методов, обеспечивающих политическое выживание режима.

Отчасти этим объясняется стремление (особенно явное в 1990-е гг.) исследователей вписать период новой экономической политики в более широкий контекст советской истории вообще. В частности, ряд авторов отнесли нэп к фазе неопределенности, для которой характерна ожесточенная борьба за власть среди новой элиты, политическая нестабильность и частичная потеря управления.³ К этому можно добавить социальную напряженность и деформацию повседневной жизни. Однако в 2000-е гг. в связи с падением интереса к теории модернизации существенно сузилась и «мода» на «сквозные» исследования. Возможно, сработала боязнь опасность потери нэпом своей специфики по отношению к другим этапам советской истории.

Современный период историографии нэпа (как, впрочем, советской истории вообще) является примером реализации «многомерной методологии» (или методологического плюрализма) в отечественной исторической науке. Прежде всего, речь идет об активном развитии «новой социальной истории», в центре которой поставлен «человек в обществе». В свою очередь, именно в рамках социальной истории получила развитие в России история повседневности. По подсчетам А.Н. Федорова, только за 2005-2009 гг. были подготовлены более 30 диссертационных работ, объектом исследования которых стала повседневная жизнь городского населения первой трети XX ст.⁴ Однако, не удалось избежать методологической

³ См.: Морозов С.А., Морозова Е.В. Социальная турбулентность в контексте нэпа // Нэп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность (материалы Всероссийской научной конференции, г. Славянск-на-Кубани, 17-20 октября 2001 г.) Краснодар, 2001. С. 25-29.

⁴ Федоров А.Н. Социальные процессы в российском губернском городе в условиях революции и Гражданской войны: 1917-1920 гг. (На материалах Центрального промышленного района): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2010. С. 8.

«ловушки», когда решение важнейших проблем нэповской историографии во многом зависело от выбора того или иного подхода.

Изменилось в конце 1990-х гг. и отношение к советской историографии. Стало фактически моветоном отрицать познавательную и научную ценность историографической базы советской эпохи.

Кроме того, в литературе конца 1990-х – начала 2000-х гг. отмечен, во многом связанный с расширением интереса к социальной истории, резкий рост региональных работ. Следует заметить, что вводимый в научный оборот материал местных архивов не только расширял общие представления о нэпе, но, самое главное, способствовал переходу исследований на новый (реконструктивный) уровень. Складывание ряда региональных школ «нэповедения» сделало возможным понимание процесса реализации постановлений Центра на местах и реакции населения на нэповскую политику.⁵

Правда, современные исследователи полагают, что даже к середине 2000-х гг. новая экономическая политика в отдельных регионах страны оставалась практически неизученной. На повестку дня выходит задача «картографирования» региональной историографии нэпа, в целях определения проблемных полей и исследовательских лакун.⁶ Кроме того, необходимо учитывать опасность за спецификой нэповских преобразований на «провинциальном» уровне не потерять то общее, что определяет сущность и характерные черты периода нэпа.

В современной историографии нэпа актуализируется поиск некоего центрального проблемного поля изучения нэповского социума, лежащего на стыке политики, экономики, социальной сферы и массового сознания. Таким интегрирующим «параметром» сегодня все чаще выступают массовые настроения и бытовые практики выживания, поведенческие императивы и

⁵ Подробнее по этому вопросу см.: Орлов И.Б. НЭП в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33-54.

⁶ Пример составления «карты» нэповских исследований на примере диссертаций см. ниже.

процессы формирования идентичностей разного уровня. Снижение интереса к политическим перипетиям и экономическим трансформациям сопровождалось одновременным расширением исследовательской проблематики, связанной со сферой трудовых отношений, социальной активности, повседневной жизни и настроений городского и сельского населения нэповской России.

Одним из объектов исследовательского интереса последних лет стал персонаж, олицетворяющий собой основные коллизии нэпа – нэпман. Одновременно с очевидным ростом интереса к предпринимательской деятельности двадцатых годов, исследовательский фокус смещался в сторону изучения взаимоотношений «новых капиталистов» и властных структур разных уровней, отношения к нэпманам различных слоев населения и анализа масштабов и роли коррупции в указанный период.⁷

Автор полагает, что значимым индикатором анализа нэповской проблематики являются диссертационные исследования, которые «как никакие другие жанры исторических исследований, свидетельствуют о сильных и слабых сторонах, о штампах, о старых и новых стереотипах отечественной историографии».⁸ Диссертации носят структурированный и ярко выраженный проблемный характер. В них, прежде всего, проявляются и историографические новации. Анализ диссертационных исследований позволяет уловить не только о степень изученности той или иной проблематики, но и о формирование новых проблемных полей. И, наконец,

⁷ Среди работ последних лет см., например: Борисова Л.В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84-97; «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов: Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2005; Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928): Монография. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007; Маркосян Г.М. Коррупция в СССР в 1920-е годы и борьба с ней: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2010; Пахомов С.А. Социокультурный портрет предпринимателя периода нэпа и его отражение в пропаганде и массовом сознании: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2005.

⁸ Храмова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Историографические очерки. Самара, 2001. С. 5–6.

пик публикаторской активности авторов в большинстве случаев приходится именно на период подготовки кандидатских и докторских диссертаций.

Анализ 1474 кандидатских и докторских диссертаций 1992-2010 гг., в которых, так или иначе, нашла отражение нэповская проблематика, позволяет увидеть несколько измерений современной историографии нэпа.⁹

Во-первых, по своей *тематике* они распределились следующим образом.¹⁰ На первом месте (здесь очевидно влияние сложившейся традиции рассматривать период нэпа, прежде всего, как экономическую политику) оказались работы, посвященные экономическому развитию и финансам (263 диссертации). Наибольший интерес вызвали вопросы аграрной политики (75), промышленного производства (54), социально-экономического развития регионов (40) и кооперативного строительства (38). В наименьшей степени повезло исследованиям акционерных предприятий (1), внутренней торговли (1), лесного хозяйства (2) и планирования (2). Во многом, это объясняется тем, что нэп перестал рассматриваться как экономическая модель переустройства постсоветской экономики. Наоборот, рост интереса к истории частного предпринимательства (12), финансовой сферы (11) и концессионной политики (5) отчасти был стимулирован либеральными реформами 1990-х гг. Постепенно исследования затронули историю развития транспорта и инфраструктуры (13), а также градостроительства и жилищного хозяйства (9). То есть можно говорить о существенном приращении исторического знания о периоде 1920-х гг.

Вторую позицию (238 работ) занимают диссертационные исследования, посвященные проблемам государственного и национального строительства. При этом в силу специфики СССР, доминируют работы о национально-государственном строительстве и национальных отношениях в двадцатые годы (70). На втором месте по объекту исследования в данной

⁹ Для выборки использованы материалы сайта: Архив диссертаций URL: <http://diss.rulib.com/>

¹⁰ Критериями тематической разбивки стали сформулированные диссертантами объект и предмет исследования.

группе диссертаций оказались правовая сфера и деятельность правоохранительных органов (59), а на третьем - военное строительство (30). Аутсайдерские позиции разделили административно-территориальное устройство (8), советская элита (6) и система политического и государственного контроля (9). Изучение системы государственной безопасности (14) оказалось на одном уровне с исследованием деятельности советов разного уровня (15), а кадровая политика советской власти (27) сопоставима с числом работ, посвященных истории правящей партии (23).

Вопросы науки и образования периода нэпа утвердились на третьем месте (162) среди всех выбранных диссертаций. Причем, наибольший интерес исследователи проявили к вопросам образования (87).¹¹ Проблематика развития научного знания (75) утвердилась на второй позиции. При этом 34 работы были посвящены именно исторической науке.

Если не принимать во внимание диссертационные исследования, посвященные истории Русского Зарубежья в 1920-е гг. (111 работ) и оставить в стороне вопросы международной политики и деятельности Коминтерна (58), то дальнейшая иерархия работ по нэповской проблематике (точнее, хронологически укладывающихся в исследуемый период) выглядит следующим образом.

Четвертой по числу работ стала группа исследований культурной политики новой власти (134), а пятой – социальной и демографической политики (96). При этом диссертации последней группы демонстрируют весьма широкое предметное поле, первую позицию на котором заняли вопросы социальной структуры нэповского социума и социальной политики советской власти (58), а закрывает список изучение политики преодоления голода (3). Вторую и третью строчку внутригруппового рейтинга занимают диссертации, посвященные повседневности и быту (24) и женскому вопросу (22). Далее, по степени убывания, проблематика исследований

¹¹ 4 диссертации из них объектом своего исследования сделали не столько образовательный процесс, сколько студенчество как специфическую социальную и профессиональную группу.

распределяется так: демографическая, (16) и молодежная, (16) и миграционная политика (10), политика в области спорта, физкультуры и туризма, (10), история семьи (9), детства и детской беспризорности (7), алкогольная политика (4) и политика в отношении казачества. (4)

В пятую группу вошли исследования, освещающие церковно-государственные и конфессиональные отношения, (80) а в шестую – работы социально-политической проблематики(79). Значительная часть диссертаций шестой группы раскрывает социально-политические аспекты нэпа (28), а далее, с минимальным разрывом следуют работы, анализирующие особенности функционирования средств массовой информации (18), репрессивные практики (17) и социальные конфликты периода нэпа. (16).

Восьмая группа диссертационных исследований включает в себя работы, затрагивающие те или иные элементы «гражданского общества» двадцатых годов, (71) включая массовые настроения (28) и общественные организации, (28) а также судьбу непролетарских партий (15).

Закрывают перечень диссертаций историографические работы, (37) диссертации, охватывающие общие проблемы нэпа (20) и биографические исследования (15).

Как мы видим, для современного этапа нэповской историографии, при всем тематическом разнообразии, характерен довольно слабый интерес к изучению собственно нэповской «модели» и к подведению историографических итогов исследования тех или иных аспектов новой экономической политики.

Что касается, *географического* распределения диссертаций, то здесь также можно отметить весьма неоднородную картину. В частности, нижерасположенную таблицу № 1 показывает распределение численности диссертационных исследований по местам их защиты.

Таблица № 1

Распределение диссертационных исследований по регионам

№ п/п	Место защиты	Число диссертаций
1	Абакан	4

2	Армавир	6
3	Архангельск	14
4	Астрахань	8
5	Барнаул	18
6	Белгород	1
7	Бийск	1
8	Благовещенск	7
9	Брянск	5
10	Владивосток	16
11	Владикавказ	15
12	Владимир	5
13	Волгоград	4
14	Вологда	3
15	Воронеж	24
16	Глазов	1
17	Горно-Алтайск	4
18	Грозный	1
19	Екатеринбург	37
20	Зерноград	1
21	Иваново	12
22	Ижевск	8
23	Иркутск	33
24	Йошкар-Ола	3
25	Казань	27
26	Калуга	3
27	Карачаевск	1
28	Кемерово	17
29	Киров	3
30	Кисловодск	1
31	Коломна	2
32	Комсомольск-на-Амуре	4
33	Кострома	12
34	Краснодар	29
35	Красноярск	9
36	Кропоткин	1
37	Курган	4
38	Курск	25
39	Кызыл	2
40	Майкоп	7
41	Махачкала	29
42	Москва	389
43	Мурманск	5
44	Нальчик	7

45	Нижний Новгород	19
46	Нижний Тагил	1
47	Новгород Великий	3
48	Новосибирск	34
49	Новочеркасск	1
50	Омск	25
51	Орел	11
52	Оренбург	14
53	Пенза	29
54	Пермь	7
55	Петрозаводск	8
56	Псков	6
57	Пятигорск	12
58	Ростов-на-Дону	20
59	Рязань	4
60	Самара	19
61	Санкт-Петербург	90
62	Саранск	18
63	Саратов	47
64	Смоленск	10
65	Ставрополь	19
66	Сургут	2
67	Сыктывкар	14
68	Тамбов	14
69	Тверь	5
70	Тобольск	2
71	Тольятти	4
72	Томск	17
73	Тула	1
74	Тюмень	14
75	Улан-Удэ	37
76	Ульяновск	4
77	Уфа	26
78	Хабаровск	20
79	Чебоксары	16
80	Челябинск	13
81	Черкесск	1
82	Элиста	7
83	Южно-Сахалинск	5
84	Якутск	12
85	Ярославль	19

Как видно, с большим отрывом от Санкт-Петербурга (90) лидирует Москва (389). На третьей позиции разместился Саратов (47). В группу «лидеров» (число защищенных работ более 20-ти) вошли: Воронеж (24), Екатеринбург (37), Иркутск (33), Казань (27), Краснодар (29), Курск (25), Махачкала (29), Новосибирск (34), Омск (25), Пенза (29), Улан-Удэ (37), Уфа (26).

При этом ряд регионов, помимо столиц, представлен сразу тремя центрами: Краснодарский край (Краснодар, Армавир, Кропоткин); Ростовская область (Ростов-на-Дону, Зерноград, Новочеркасск); Ставропольский край (Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск). Кроме того, двумя центрами представлены три области (Свердловская – Екатеринбург, Нижний Тагил; Тюменская – Тюмень, Тобольск; Самарская – Самара, Тольятти), две республики (Карачаево-Черкесская – Черкесск, Карачаевск; Удмуртская - Ижевск, Глазов) и два края (Алтайский – Барнаул, Бийск; Хабаровский – Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре).

С учетом проводимых конференций и публикаций иного рода (монографий, статей и пр.), можно говорить о вполне сложившихся казанской, краснодарской, саратовской, ставропольской и ростовской школах, а также о ряде формирующихся в последние годы центров исследования новой экономической политики.

И еще один важный историографический аспект. Из 389 защищенных в Москве диссертаций почти четверть (92 работы) посвящены региональной тематике. Однако анализ географических границ диссертационных исследований показывает, что подавляющее большинство работ (66), укладываемых в рамки локальной истории, защищено на основе материалов регионов, никак не связанных со столичным. Среди работ региональной проблематики диссертаций, анализирующих процессы 1920-х гг. в московском регионе, немного (18). Даже если к этим работам прибавить исследования, в которых Москва и Московская губерния являются частью более широкого пространства (Центрально-промышленный район,

Центральное Нечерноземье и т.п.), то общее число диссертаций увеличилось несущественно – до 26-ти. То есть Москва остается ведущим центром подготовки диссертаций на общероссийскую и союзную проблематику, тогда как весьма условно можно говорить о наличии московской школы «двадцатников».

Наименьший интерес к нэповской тематике (по 1 работе) проявился в: Белгороде, Бийске, Глазове, Грозном, Зерноград, Карачаевске, Кисловодске, Кропоткине, Нижем Тагиле, Новочеркасске, Туле и Черкесске. Впрочем, ряд регионов (если не считать Калининградской области, автономных областей и округов) не представлен исследованиями на нэповскую проблематику вообще: Камчатская, Липецкая, Магаданская и Читинская области и Ингушская республика.

Не вызывает сомнений, что сегодня исследования нэпа органично вписываются в очерченные современными исследователями ключевые проблемные области постсоветской историографии, включая советскую идентичность, опыт реформ, функционирование института собственности, реальную социальную структуру и стереотипы сознания, изменения правовых институтов и социальных отношений.¹² Подход к революции как срыву модернизации и ретрадиционализации общества актуализировал обращение исследователей к реформам, направленным на модернизацию традиционного общества, включая опыт новой экономической политики. Отказ от прямолинейности классовой теории позволил реконструировать реальную социальную структуру нэповского социума и наиболее устойчивые стереотипы сознания. Расширение интереса к социокультурной истории вовлекло в исследовательскую сферу стереотипы и мифы, образ жизни и социальный статус основных социальных слоев, их отражение в пропаганде, литературе и искусстве. В научную повестку включены эволюция приоритетов социальной политики и форм политического участия,

¹² Медушевский А.Н. Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история. 2009. № 1. С. 3-4.

государственной идеологии и правовой сферы. Расширился анализ жизнедеятельности маргинальных социальных групп (лишенцев и безработных, представителей криминального сообщества и заключенных, беспризорников и люмпенизированных партийных функционеров), являющихся порождением социальных деформаций и источником социальной нестабильности.

Можно констатировать факт определенного историографического поворота последнего десятилетия в исследовании нэповской проблематики. На смену изучения экономических (прежде всего, реформаторского потенциала нэпа) и политических (включая внутривнутрипартийные разногласия) аспектов жизнедеятельности социума двадцатых годов, пришли исследования в области повседневной истории (в том числе, социальных противоречий) и массового сознания различных групп населения.

В общих чертах сущность исследовательского поворота проявилась в утверждении взгляда на нэповское общество как сложную систему взаимосвязей различных «групп интересов». Как уже отмечалось, на фоне снижения интереса к нэповским реформам, напротив, расширилась проблематика отношения к ним различных слоев и локальных (в том числе региональных) сообществ. Выделилось в самостоятельное исследовательское направление изучение бытовых практик нэповского общества, нацеленных на выживание и адаптацию к непредсказуемым поворотам властной «машины». На наших глазах идет процесс формирования единого историографического поля нэповской проблематики, центральным звеном которого стало обращение к советской повседневности 1920-х годов. Приметой времени стало наличие соответствующего параграфа или раздела (на крайний случай, ряда сюжетов, пусть и иллюстративного характера) в диссертациях и работах, посвященных политическим, идеологическим и социально-экономическим аспектам новой экономической политики.